

КУДА УЛЕТЕЛИ те ветры, что обжигали этих парней тревогой, любовью и скорбью?

Где та земля — окопы и высоты, — что сжилась от холода, болей и ран?

Тяжело, вязко катилось колесо войны. И особенно здесь, в Сталинграде и под Сталинградом, куда вышли на передовую бондаревские герои. Молодые, отважные, напористые, словом, сильные духом.

Вышли, чтобы сдерживать жестокий танковый прорыв к Волге. Сдержали. Волею горячих сердец, по горячему снегу.

Потом война уйдет на запад, к победному дню. И будут последние залпы... А та степная земля еще надолго останется опаленной, горькой, непотухающей. Слово огонь битвы еще клокотал в этих жестоких, как кремь, земных глубинах. Я помню ту степь, то тяжелое, как и война, палящее лето сорок шестого года, не ведающего порой о куске хлеба.

Иссушенная, в морщинах земля. Горечь поникших хлебов. Пожары, мерцающие по ночам. Скрип колодезь — хранителей скудной воды. Дым чуть ли не от порога стальных хат...

И все-таки побеждает жизнь. Налилась живыми соками земля. И летние звезды уже плавали в травах, набравших силу хлебах. Заголубел Волго-Дон.

Так случилось, что Юрий Бондарев увидит эту землю и обновленной. Через много лет город в степи — Котельниково — встретит его уже известным писателем, лауреатом Ленинской премии и назовет своим народным депутатом.

После «Батальонов», «Последних залпов», «Тишины», «Горячего снега» Юрия Бондарева узнают и за рубежом: во Франции, Польше, Италии, Дании, ГДР. О нем много пишут. Одна из статей была озаглавлена: «Внимание, Бондарев!»

Герои Ю. Бондарева приходят в жизнь, чтобы действовать. Они не похожи друг на друга, но их роднит чувство испытания и движения: как жить, где правда, в чем красота. Они живут, чтобы отвечать на эти вопросы. Над ними и в них — проблемы, задачи, сомнения. Характеры, не ведающие о легком пути. Это даже не анализ, а постоянное переживание — будто взволнованный ветер пробегает по какому-то самому чутким, тревожным, болевым струнам.

Через много лет после войны встретятся в Италии известный художник Владимир Васильев и его бывший школьный и фронтовой друг Илья Рамзин. Неожиданность в том, что Васильев считал его погибшим. А перед ним человек, потерявший Родину.

Неразборчивая ожесточенность — вот откуда начинается кривая, ломаная линия в жизни человека. И об этом сильнее всего сказал писатель в романе «Выбор». Добро зревает в характере и в каждом человеке по-своему. Добро живет мужеством, волей, честностью. Оно чутко и равно к выбору средств для достижения цели. Не ведая об этом, человек теряет самое дорогое. Если жизнь — река, то в этом произведении она порожиста, трудна для переходов.

По-моему, высшего накала проза Ю. Бондарева достигает в эпизодах встречи матери и сына. Вспомним: трепет горя и жалости летает в воздухе. Мать застывает, леденеет от этой встречи. Прошла ведь целая жизнь. Мать не узнает сына. Она вся в сорок пер-

вом, перед нею тот, ушедший, боевой, юный, дорогой мальчик — невернувшийся сын. Сколько раз он приходил таким во сне, в слезах.

«Разве это ты, Ильяша? — прошептала она и чуть отклонилась, вглядываясь в него с вымученной улыбкой. — И ты жив?»

Драма углубилась и заговорила трагедией. Перед нею, у материнского порога — единственный родной человек, так жестоко покинувший мать на долгие годы, на вечность. Она и представить не могла, что сын где-то живет без нее. Ничего на свете не нужно ей, кроме сыновней любви. Сын приехал проститься. Но прощания не получилось. Оно

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ю. Бондарева не просты. В них всегда осязимо живет образ нашей земли, Родины, России. В солнце, с ветрами и звездным небом — дыхание трав, налетающие тучи, клубящаяся пыль времен, переливы красок, цветов. Сиреневые березы. Встреченные города. Тени лесов. Прошлое и настоящее в городском облике. Москва современная и уходящая. По пятам классической архитектуры торопится подчас навязчивый и холодный модерн. Детали быта и грань небытия. Это именно большая, многомерная жизнь, даже если она высказывается в сжатой форме «Мгновенный».

дам как к нации, которая воевала против России? Надеюсь, вы не находите в таком вопросе провокационного смысла?

Никитин: Нет, не нахожу... Народ никогда не виноват. Но наши взаимоотношения не раз замутнялись кровью. И я все время помню, что в последней четырехлетней войне Россия потеряла двадцать миллионов, а Германия — восемь миллионов человек.

Дицман: В шестом веке, господин Никитин, от легкой чумы погибло сто миллионов человек.

Никитин: В вашей фразе есть оттенок успокоительного сравнения. Однако те люди шестого века погибли не от-

УТРО СУРОВОЕ, БЕРЕГ КРУТОЙ

Заметки о творчестве
Юрия БОНДАРЕВА

было там, в далекую военную пору. Страшнее всего для сына оказаться чужим человеком в доме своей матери.

Писатель намеренно разделил эту сцену как бы на два действия. Первые волнующие минуты слов любви, жалости, узнавания. Художник Васильев, присутствующий при этом, чувствует, что лучше оставить мать и сына вдвоем. Он уходит, а когда возвращается, то видит двух разных людей. Это уже чужие люди. Близкие — далекие.

«Она сидела в кресле, скорбно закрыв лицо сухонькими руками, на столе же близ чашек и розеток с вареньем виднелась пачка новых зеленых купюр, и Илья подвигал их ближе к Раисе Михайловне, продолжая говорить в замешательстве:

— Мама, я не бедный человек, поверь мне. Ты не разоришь меня. Каждый месяц я буду присылать сто пятьдесят долларов на расходы...

Раиса Михайловна отняла руки от лица, снизу вверх посмотрела на него сухими глазами с горьким выражением перегорелой беды, душевной усталости, сказала со слабой улыбкой:

— Как поздно, Ильяша. Вся жизнь прошла. Ты приехал к концу моей жизни».

...Когда Илья кончает самоубийством, мать приезжает на похороны, но даже не выходит из машины. Таков цепенеющий облик страдания, непроницаемого материнского возмездия, если можно назвать возмездием это тающее, как слеза, чувство.

Каждый поступок, рассчитанный будто бы на один час, на одно мгновение, будет продлен и отзовется рано или поздно. Ничто не затухает и не убывает, пока жив человек. И героям Ю. Бондарева не дано только созерцать жизнь. Нет, им отвечать за свою жизнь — перед собой, перед людьми, Родиной. Время через характеры героев уплотнено до единой судьбы, до одной прожитой жизни и бьется одним большим и тревожным сердцем.

Когда читаю «Берег», всегда, как порог на пути сознания, возникает остров в Северном море, недалеко от Гамбурга, где мне пришлось побывать. Издалека похожий на краснеющий обветренный кулак. Это Гельголанд, маленький, знаменитый и страшный. Дважды за свою историю он был военной базой, в том числе и фашистской. Отсюда, с острова, неслась смерть во все концы. Его вина в прошедшей войне так велика, что даже было высказано желание взорвать его, как преступника и убийцу. Но он остался жить.

Нет вины у земли.

Сегодня остров снова порос ухоженной травой, отстроился, принимает туристов и в солнечный июньский день дышит ветрами юга. Сюда едут просто отдохнуть, побродить по скалистым вершинам, где отовсюду видно море.

Я видел на острове школьников. Дети, как и все дети на свете, шумели, веселились, играли на траве. Почти ничто здесь не могло им напомнить о травмах войны. Разве только таблички у глубоких воронок с надписью: «Здесь упала английская бомба весом в столько-то тонн».

Но почему в бесконечном водном пространстве снаряды находили именно этот остров? Кто виноват в этом? Кому хотелось установить на земле безлюдье, кровь и смерть?

Путеводитель помнит мельчайшие подробности тысячелетней древности и несколько мимолодных, общих слов посвящает истории прошедшей войны. Кому-то, видимо, нужно это забвение, а кто-то сознательно уходит от правдивых вопросов и ответов. Книжки Бондарева напоминают и говорят об этом смело и честно.

Как вы помните, у писателя Никитина происходит такой диалог с редактором гамбургского издательства:

Дицман: ...Благодарю вас, господин Никитин, за ответ. И — последний вопрос, хотя я утомил вас. Вопрос к вам чисто личный. Испытываете ли вы прежнюю ненависть к нем-

того, что стреляли друг в друга.

Этот ответ Никитина — ключ к пониманию образа всего романа. Вспомним. Последние дни войны, ощущение близкой победы. Последний бой, гибель лучшего друга Никитина — лейтенанта Княжко... И эта драма, налетевшая, как порыв, в романтическом безрассудстве, — любовь лейтенанта Никитина к немецкой девушке Эмме. Необъяснимая, вызвавшая такую бурю конфликтов. Но и понятная, как неизбежная лирическая страница в человеческой жизни, как выход из войны в мир.

ЮНОСТЬ остается в человеке, пока он жив. Она то волнуется далью любимого мотива, то вспыхнет надеждой и верой, то вдруг заговорит словами простыми, нежными и горькими, как листья ивы. Никитин говорит о своем друге: «Когда нет таких, как лейтенант Княжко, то нет и настоящих друзей, и вообще многое в мире тускнеет».

Я уже писал, что гармонией и цельностью чувств, действий в литературе он сродни разве что Олегу Кошевому. В памяти Никитина Княжко — живой человек, лучший друг. Но это и символ человеческой смелости, непридуманной, умной и отзывчивой правдивости.

На погоне лейтенанта Княжко — пыль долгих фронтовых дорог, мудрая решительность все испытавшего юноши-фронтовика. Но в силу «страшной закономерности» эти люди погибают первыми. Живут герои Бондарева в наших чувствах, сознании. Живые и погибшие. Живут и учат жить.

И СНОВА поплывет голубое небо. И поплывут люди на пароме к солнечному, зеленому берегу, что так притягивает к себе взгляды людей, их желания. Берег — как вечный зов непобежденной жизни.

Юрию Васильевичу Бондареву — 60 лет. Писателю-коммунисту, депутату Верховного Совета СССР.

Иван ЖУКОВ.